

умственной дѣятельности посвятить на свою дѣятельность пять часовъ каждый день, то онъ сдѣлаетъ страшно много. Куда же дѣваются остальные 11 часовъ?”

Странно, что самая простота этого ариѳметическаго разсчета не навела Л. Н. Толстого на нѣкоторыя сомнѣнія. Какъ объяснить въ самомъ дѣлѣ, что люди, привыкшіе къ умственной дѣятельности, которыхъ нельзя обвинить въ лѣни, такіе люди какъ Декартъ, Лейбницъ, Кантъ, Ломоносовъ, употребляя на нее все свое время (а не пять часовъ), иногда даже урѣзывая его у сна, не находятъ, чтобы можно было сдѣлать страшно много, а жалуются на недостатокъ времени?

Но не говоря о такихъ величинахъ, которыя двигаютъ впередъ человѣчество, самая скромная, добросовѣстная умственная дѣятельность: профессора, учителя, судьи и т. п. поглощаетъ почти все его время, а главное — все его вниманіе и силы, такъ что онъ, окончивъ ее, можетъ думать никакъ не о новой работѣ, а только объ отдыхѣ. Правда, что физическій трудъ можетъ явиться отдыхомъ отъ умственнаго, но въ такомъ случаѣ на него и смотрѣть слѣдуетъ какъ на отдыхъ или на забаву, пріятную и даже полезную, а не какъ на обязательный трудъ. Что касается ариѳметическаго разсчета, то въ него вкралась двѣ существенныя ошибки. Во-первыхъ, ни одинъ умственный работникъ не